

Грег Джонсон

Три опоры политики белой идентичности

Оригинал: Greg Johnson. Three Pillars of White Identity Politics

Источник:

<https://counter-currents.com/2020/10/three-pillars-part-1/>

<https://counter-currents.com/2020/10/three-pillars-part-2/>

<https://counter-currents.com/2020/10/three-pillars-part-3/>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Серебряный Статер с изображением треножника, 530-500 до н. э., место чеканки: Кротон (Из коллекции монет Старого музея Берлина)

Примечание автора:

Эта лекция была написана для Форума Скандза (Scandza Forum) в Загребе, Хорватия, 2 мая 2020 года. К сожалению, мероприятие было отложено из-за эпидемии Covid-19.

Часть 1. Родство

Когда вы смотрите на человеческую историю, политика идентичности – это не исключение, это норма. История – это история нас и их: племен, городов-государств и народов, торгующих друг с другом и борющихся друг с другом. Если вы посмотрите на членов любой из этих групп, вы обнаружите, что они объединены узами родства, общим языком и культурой, общей историей и чувством судьбы, узами сострадания.

Конечно, все другие группы тоже имеют эти черты. Но эти люди принадлежат к другим родственным группам; они связаны между собой различными языками и обычаями; у них другая история и судьбы; более того, их чувства сострадания не распространяются на их соседей, которые вполне могут быть врагами.

Власть государства может коснуться каждого аспекта жизни. Так темой политических дебатов может стать все, что угодно. Политические дебаты могут апеллировать к различным аргументам: моральным, религиозным, научным, историческим и т. д. Политика идентичности происходит всякий раз, когда последний аргумент за или против какого-либо политического предложения сводится к «Вот кто мы есть». Это формулировка идентичности. Мы хотим этот закон, этот институт, этот обычай, потому что он подходит к тому, кто мы есть, и политический порядок должен соответствовать людям, которые живут при нем так же комфортно, и он им так же к лицу, как хорошо подогнанный костюм.

Когда мы обращаемся к абстрактным принципам и объективным фактам, они должны быть правдивыми для всех нас. Но призывы к идентичности верны для одних людей, но не для других. Они особенные, очень конкретные, а не универсальные, не всеобщие. Политика идентичности – это и политика различий, ибо наша идентичность – это именно то, что отличает нас от других.

Противоположностью политике идентичности является универсализм, который поддерживает идею единого, универсального, всемирного политического порядка, основанного на универсально истинных принципах. Универсалисты утверждают, что политика идентичности опасна, потому что разные группы никогда не смогут достичь согласия по политическим вопросам, если мы позволим тому, что делает нас разными, быть окончательным аргументом. И если разные группы не могут договориться о страстной поляризации политических вопросов, то им остается только бороться друг с другом.

Этот аргумент оказывается несостоятельным по двум основным причинам.

Во-первых, «соглашение против конфликта» является ложной альтернативой, поскольку две стороны могут просто согласиться не соглашаться. Но согласие

не соглашаться работает только в том случае, если разные стороны действительно не очень обеспокоены той проблемой, которая их разделяет. Однако если она их очень волнует, то они не могут согласиться не соглашаться, поскольку на самом деле победить может только одна позиция. Например, аборты являются законными или незаконными, а это означает, что единственной альтернативой борьбе является склонение одной стороны к подчинению воле другой.

Но это подводит нас ко второй проблеме в универсалистской аргументации. Аборты не могут быть как законными, так и незаконными в одном и том же штате, но они могут быть как законными в одном штате, так и незаконными в другом. Короче говоря, есть альтернатива борьбе, когда две группы имеют страстные и непримиримые разногласия по политическим вопросам: они могут идти своими разными путями.

Аборт – это только один единственный политический вопрос, но люди чувствуют себя достаточно страстными и неистовыми из-за него, чтобы проливать кровь. Столкновения между различными народами гораздо сложнее, когда речь идет о языке, религии, культуре, обо всем образе жизни. Таким образом, их потенциал глубокой поляризации и взрывного насилия гораздо больше, равно как и необходимость политического разделения.

Вот почему я утверждаю, что этнонационализм является лучшей системой для подхода к политике идентичности. Этнонационализм отстаивает право всех народов на свои суверенные родины, если они считают, что их самобытность находится под угрозой в многокультурном, многорасовом обществе. Обратите внимание, что это право является возможным выбором, а не обязательством. Если народ доволен таким обществом, то он не обязан от него отрываться. Но если он решит воспользоваться своим правом, то даже небо и земля не имеют права его остановить.

Однако многокультурные общества подвержены конфликтам вокруг вопросов самобытной идентичности. Существует два способа разрешения этих конфликтов. Во-первых, чтобы уменьшить социальные трения, разные народы могут просто перестать заботиться о том, что их разделяет. Это, однако, работает только в том случае, если их различия изначально тривиальны. Но что, если они расходятся по воистину важным вопросам?

Это подводит нас ко второму варианту: бороться. Когда начинается борьба из-за важных разногласий, есть только два способа навсегда прекратить такие конфликты: полное уничтожение одной группы или политическое разделение и создание новых суверенных государств. Разделение является наилучшим вариантом, поскольку оно прекращает насилие и эрозию самобытности, энде-

мичные для многокультурных обществ, давая всем сторонам возможность процветать на своих собственных землях, где принцип «Это то, кто мы есть» может беспрепятственно продолжать существовать.

Конечно, «кто мы есть» не всегда хорошо. Иногда аспекты идентичности бывают плохими. Народы цепляются за алкоголизм, империализм и худшие виды суеверий из-за призывов к самобытности. Некоторые народы страдают генетическими расстройствами, от которых не должны страдать их потомки. Каждый народ может быть улучшен. Более того, совершенно естественно, нормально и правильно, чтобы народы хотели улучшить себя: передать лучшее общество – и лучшие гены – будущим поколениям.

Этнонационализм, однако, предоставляет разным народам возможность решать свои собственные проблемы. Мы отвергаем прогрессивные и патерналистские аргументы для власти над другими народами. «Это то, кто мы есть» всегда перевешивает «Это для твоего собственного блага», даже если это действительно для их собственного блага, так как большее благо – это создать мир между разными народами и позволить им самим бороться со своими собственными демонами.

Разделение враждебных народов может быть достигнуто посредством перемещения границ и перемещения людей. На практике это обычно включает некоторое сочетание этих двух факторов. Разделение может быть достигнуто мирным путем, как в случае «бархатного развода» между чехами и словаками, или путем террора и насилия, как в случае распада Югославии. Результаты одни и те же, но насильственный путь гораздо дороже. Поскольку целью этнонационализма является создание мира между различными народами, мы, естественно, предпочитаем добиваться его мирными средствами, насколько это возможно.

Известно с давних времён, что треножник является наиболее устойчивым фундаментом. (Вспомните, что когда вы садитесь в кафе за шатающийся четвероногий стол, то заканчиваете тем, что подкладываете пакетики с сахаром под одну из ножек, чтобы стабилизировать его.) Политика идентичности опирается на не шатающийся треножник, три факта о человеческой природе, которые делают политику идентичности неизбежной и этнонационализм предпочтительным: родство, культура и любовь к своим.

Родство

Первая опора политики идентичности – родство. Связывая политику родства и политику идентичности, я следую за аргументами [Дж. Филиппа Раштона](#) и Фрэнка Солтера. [1]

Политика направлена на то, чтобы хорошо жить вместе в обществе. Чем дружнее, склонен к сотрудничеству и чем более заслуживает доверия народ, тем гармоничнее общество. Чем более охотно люди объединяются вместе и идут на жертвы ради общего блага, особенно во время чрезвычайных ситуаций и войн, тем больше вероятность того, что общество выживет и выздоровеет.

Корень просоциального, направленного во благо общности, поведения – эмпатия, сопереживание, означающее способность видеть себя самого в других. Выражение просоциальной эмпатии – альтруизм, означающий отношение к интересам других как к равным или даже более важным, чем к своим собственным. Я буду говорить об эмпатии и альтруизме просто как о просоциальных добродетелях. Результатом просоциальных добродетелей является социальная гармония и благополучие.

Существует сильная корреляция между родством и просоциальным поведением, начиная от чувства сострадания и заканчивая готовностью пожертвовать своими интересами и даже жизнью ради общего блага.

Но связь родства и просоциальных добродетелей проблематична. Родство, в конце концов, означает наличие одних и тех же генов. Гены, впрочем, заведомо «эгоистичны»: они нацелены на их размножение, распространение и передачу в следующие поколения. Поскольку отдельные организмы являются носителями генов, разве люди не будут эгоистами? Так что же в таком случае альтруизм – это не что иное, как биологический недостаток, своего рода расстройство или болезнь?

Ответ заключается в том, что индивидуум не является единственным носителем своих генов. Его гены присутствуют и в других людях. Чем ближе родство, тем больше у нас общих генов. Чем ближе родство, тем больше сочувствие, ибо мы можем буквально видеть больше нас самих в наших родственниках. Таким образом, мы ожидаем более альтруистического поведения, направленного на более близких родственников. Вот почему, с точки зрения эгоистичного гена, человеку имеет смысл умереть за свою семью, свой род и свое племя, поскольку они содержат больше его эгоистичных генов, чем он. Поэтому мы ожидаем большей социальной гармонии и благополучия в обществах, которые являются более генетически однородными, и меньшей гармонии и благополучия в более генетически разнообразных обществах. Этот факт сам по себе опровергает современную догму о том, что генетическое разнообразие укрепляет общества.

До двадцатого века повсеместно признавалось, что родство является основой политики. Сами понятия «нации» и «этнической принадлежности» этимологически выведены из понятий родства. Даже сегодня основной способ, которым люди становятся гражданами любого политического порядка, рождается именно таким образом, что означает, что они являются родственниками тех,

кто уже является гражданами. Даже глобалисты признают важность родства, заявляя, что «Все люди – братья», поэтому у нас не должно быть границ и стран, просто один глобальный рынок и одно глобальное государство, потому что общая кровь оказывается важнее всего того, что нас разделяет.

Но не все люди братья. У вашего брата такие же родители, как и у вас, что означает, что вы оба происходите из одного набора генов, хотя и смешанные по-разному. Если, конечно, это не ваш брат-близнец, и в этом случае у вас такие же гены.

Так что не все люди братья. Но, насколько нам известно, все люди происходят от общих предков. Таким образом, мы все более или менее дальние двоюродные братья. Но дистанция между великими континентальными расами и подрасами – белыми, чернокожими, азиатами, американцами, неевропейскими белыми, австралоидами и капоидами – достаточно значительна, чтобы им подходили радикально разные формы обществ, а это означает, что общества с различными расами страдают от конфликтов, которые не затрагивают расово однородные общества.

Вот почему некоторые глобалисты заявляют, что у нас будет стабильное глобальное общество только тогда, когда будут устранены все расовые и культурные различия. Короче говоря, некоторые глобалисты являются этнонационалистами. Они верят в принцип «один народ, одна нация.» Таким образом, чтобы построить единое мировое государство, они хотят построить единое, смешанное человечество. Вот что касается разнообразия. Этнонационалисты также верят в «один народ, одно государство» (как минимум, одно государство на один народ), но вместо того, чтобы уничтожить все существующие народы для создания мирового государства, мы хотим сохранить их всех, предоставив им их собственные суверенные этнические государства.

Означает ли это, что естественной политической единицей является расовое государство, т.е. все белые в одном государстве, все азиаты в другом? И что нам делать с людьми смешанной расы?

Заметьте, я сказал, что первой опорой политики идентичности является родство. Я не говорил, что это раса. Раса сама по себе не является достаточным основанием по нескольким причинам.

Во-первых, даже внутри рас существуют разные степени родства. Генетическое разнообразие, даже в рамках одной расы, может ослабить единство общества и привести к конфликту или эрозии генетических различий, которые обладают ценностью и должны быть сохранены. Заметьте, что я ничего не говорил о культурном разнообразии в рамках одной и той же расы. Культура – это вторая опора политики идентичности, которую мы обсудим позже.

Во-вторых, даже общества, в которых большинство людей относятся к типичной смешанной расе – такие как страны Латинской Америки, Карибского бассейна или Юго-Восточной Азии – все еще заинтересованы в размножении и распространении своих генов в будущем. Они по-прежнему улучшаются в результате большей однородности и ухудшаются в результате большего разнообразия. Расовое смешение в прошлом никогда не является аргументом в пользу увеличения разнообразия в настоящем. На самом деле одна из причин, по которой расовое смешение имело место в прошлом, заключается в том, чтобы преодолеть проблемы разнообразия, т.е. разных рас, живущих в одном и том же обществе.

Какова же тогда политическая полезность понятия расы? Раса – это, прежде всего, биологическая категория. Как она становится политической категорией?

Во-первых, раса политически важна, потому что люди не остаются в одном месте. Они мигрируют на новые земли и вступают в брак с иностранцами. Поэтому возникает вопрос: каковы внешние границы ассимиляции, за которыми иностранцы не являются хорошими кандидатами на вхождение в то или иное общество? Раса явно является внешней границей ассимилируемости. Вот почему для отцов-основателей США имело смысл ограничить натурализацию «белыми людьми». Быть белым не является достаточным условием для того, чтобы быть американцем или немцем. Но это должно быть одним из необходимых условий.

Конечно, если общество действительно ценит однородность, тогда просто раса является слишком широким критерием натурализации, поскольку внутри одной и той же расы существует большое генетическое разнообразие. Помимо этого, языковая, культурная и религиозная однородность также способствует социальной гармонии.

Во-вторых, раса становится политической категорией, когда европейцы сталкиваются с общим врагом в форме других рас. Когда ирландец и англичанин проводят время вместе, они, как правило, фокусируются на своих различиях. Но когда они живут рядом с представителями других рас, они, как правило, замечают свое сходство, особенно когда имеют место расовые конфликты.

В-третьих, раса становится политической категорией, когда европейцы обращаются к своей общей расе, а также к глубоким культурным общностям для посредничества и сглаживания споров между ними.

Белые националисты увлекаются фразой «Наша раса – наша нация». Но это не совсем так. Белая раса – это не народ, потому что народ – это больше, чем просто родство, что подводит нас ко второй опоре политики белой идентичности: культуре.

Примечание

[1] J. P. Rushton, "Ethnic Nationalism, Evolutionary Psychology, and Genetic Similarity Theory", *Nations and Nationalism* 11 (2005): 489–507 and Frank Salter, *On Genetic Interests: Family, Ethnicity, & Humanity in an Age of Mass Migration* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2006).

* * *

Часть 2. Культура

Легко понять, почему одно только родство не является достаточным фундаментом для гармоничного общества. Исследования идентичных (однойцевых) близнецов, выросших в различных средах, дают замечательные доказательства того, насколько точным на самом деле является генетический детерминизм.

Но представьте себе однойцевых близнецов, воспитанных в совершенно разных условиях: один в Йемене, другой в Нью-Йорке. Они могут выглядеть одинаково, иметь один и тот же любимый цвет и тяготеть к тем же увлечениям и карьере. Но с радикально отличающимися языками, религиями и системами ценностей они вряд ли взаимозаменяемы. Они были бы полностью потеряны, если бы поменялись местами, и они также были бы более способны работать и жить с любым случайным йеменцем или ньюйоркцем, чем друг с другом.

Короче говоря, культура имеет значение. Биология – наша первая природа, культура – наша вторая природа. Биология обеспечивает аппаратные средства сознания, культура – программное обеспечение. Обе они являются составляющими идентичности, поэтому обе важны для политики идентичности.

Действительно, культура настолько важна для политики идентичности, что часто перевешивает соображения родства. Так народы, которые тесно связаны генетически – как ирландцы и англичане или сербы, хорваты и боснийцы – таят древнюю вражду друг к другу из-за различий в культуре. (Я включаю религию в категорию культуры.)

Народ – это не просто группа людей, связанных родственными узами. Они также должны понимать друг друга, а это значит, что они должны иметь общий язык. Они также должны разделять общую историю, ценности и цели, иначе они не будут хорошо работать вместе. Также лучше всего, если они не принадлежат к конкурирующим религиозным сектам, которые учат людей, что их соседи, одноклассники и даже их собственные родственники – это зло и заслуживают вечных мук.

Таким образом, народ – это не просто совокупность индивидуумов, которые связаны друг с другом. Они также должны думать о себе как об одном народе. Народ = родство + общее сознание. Что означает общую культуру.

Вот почему человеческий род в целом не является народом. Да, все люди более или менее кузены. Но помимо того, что существуют огромные генетические различия между расами, существуют и огромные культурные пропасти. У нас нет общего языка, культуры, религии и образа жизни. Поэтому мы и не думаем о себе как об одном народе.

Конечно, есть несколько убежденных космополитов, провозглашающих братство людей. Но на самом деле они не думают так всерьез. Во-первых, они страстно ненавидят националистов, таких как мы. По большей части космополитизм – это просто возвышенные пустые разговоры, просто социальная сигнализация. Но хищники также используют его как пробивающий таран, чтобы разрушить границы стран, которые они хотят разграбить.

Если человеческая раса, род людской, в целом не является народом, то и белая раса не является им по тем же самым основным причинам. Мы можем быть генетически ближе друг к другу, чем к папуасам. Мы можем разделять большую часть истории. Могут существовать глубокие культурные общности, как высокие, так и низкие. Но у нас нет одного общего родного языка, и те общие вещи, которые у нас есть, легко затмеваются гораздо более конкретными и непосредственными вещами, разделяющими нас, прежде всего, языком и обычаями.

Культура настолько заметно выделяется в политике идентичности, что легко подумать, что биология вообще не играет никакой роли. Кроме того, существует настолько сильное культурное табу против «расизма», что люди склонны преуменьшать биологию или вообще отрицать ее. Может быть, можно просто сказать: «Франция для французов. Этим другим людям здесь не место». Кому нужно говорить что-нибудь о расе?

Слабость чисто культурного подхода к идентичности заключается в том, что он слишком инклюзивен. Он впускает людей, которых идентаристы хотят исключить. Если быть французом – это культура, то не обязательно рождаться французами. Люди тоже могут стать французами. Люди постоянно мигрируют и вступают в брак. Культурная ассимиляция может быть редкой и трудной, но она реальна. Конечно, для иммигранта французский не является его родным языком. Но теперь существуют и чернокожие, и азиаты, для которых французский является их родным языком. Если люди со всего земного шара могут стать французами в культурном понимании, то французским идентаристам придется говорить о том, кто является лучшими кандидатами на ассимиляцию, что требует, чтобы мы говорили о расе.

Если одним из необходимых условий существования народа является групповое сознание, чем это отличается от идей гражданского национализма и «социального строительства» идентичности? Простой ответ заключается в том, что реальные сообщества требуют одновременно как родства, так и сознания.

Есть, конечно, сообщества, которые являются чистыми социальными конструкциями, как фан-клуб фантастического телесериала «Доктор Кто». Но народы, в своей основе, являются родственными группами, которые разделяют общее сознание и ориентированы на задачи цивилизованной жизни. Именно это делает их сильнее, глубже и важнее фан-клубов и других фальшивых идентичностей, придуманных потребительской культурой.

Идея о том, что нация является чисто социальной конструкцией, означает, что родство не является существенной характеристикой нации. Если говорить конкретно, то это означает, что французский народ больше не имеет существенного значения для предприятия, известного как Франция. Французский народ может быть заменен иностранцами, до тех пор, пока их заменители хотя бы на словах остаются приверженцами замыслов правящей элиты.

Культурные и религиозные формы национализма органично связаны с замещением расы. Если быть американцем – это просто вопрос культуры или вероучения, то иммигранты, которые учат английский во взрослом возрасте и могут пройти тест правительства США на получение гражданства, являются такими же американцами, как и те, кто родился и вырос, чтобы быть американцами. Следующий шаг – утверждать, что они даже еще лучшие американцы. В конце концов, эти иммигранты сами сделали свой выбор стать американцами; они не просто родились американцами, и либерализм делает фетиш из выбора. Сколько американцев, которые только родились там, могли бы пройти тест на прием в гражданство? И разве не легче выучить английский язык в детстве, чем во взрослом возрасте? Возможно, эти ленивые, имеющие от рождения все права американцы, заслуживают их замены трудолюбивыми мигрантами, которые будут благодарны своим работодателям и правительству, выдающему им их документы.

Когда элиты определяют вас как заменяемого, это потому, что они намерены заменить вас. Вот почему популизм усиливается. Народ должен заменить элиты, прежде чем элиты смогут заменить народ.

Настоящая родина – ваша просто по праву рождения: вы принадлежите ей, а она принадлежит вам. Родина не определяет своих граждан как заменяемых. В действительности она определяет их как незаменимых, потому что вся ее цель – быть их домом.

Страна, где вы можете быть замененным, является просто экономической зоной, и когда ваши границы открыты для шумных миллиардов из стран глобального Юга, ваши дни сочтены.

Интересно, что противники политики белой идентичности – и именно противники политики только белой идентичности – думают, что идея «социального строительства» идентичности – это «серебряная пуля», единственно верное средство для быстрого решения проблем. Социальный конструктивизм – это на самом деле два отдельных тезиса: социальное строительство расы и социальное строительство культуры.

Я утверждал в других местах, что идея социального строительства расы ложна и глупа, но даже если бы она и была правдой, то она не является препятствием для политики белой идентичности.

Прежде всего, идея социального строительства расы не сдерживает политику идентичности небелых. Действительно, небелые сторонники идентичности часто являются теми самыми людьми, которые используют эту концепцию против белых. Если это не сдерживает их, почему оно должно сдерживать нас?

Независимо от того, является ли раса биологической реальностью или просто социальной конструкцией, белые все еще знают, кто мы такие (мы те, кто должен нести бремя вины белых); у нас все еще есть интересы; и мы все еще можем коллективизировать свои интересы в политической сфере. Споры о метафизическом статусе «белизны» ничего не меняют с политической точки зрения.

Во-вторых, если раса – это социальная конструкция, почему белые не должны стремиться к построению более белых наций? Действительно это облегчило бы нашу задачу, потому что на все вопросы о том, кто является белым, можно просто ответить «в приказном порядке».

В-третьих, в некотором смысле раса определяется законами и обычаями, в той степени, в какой они устанавливают политику евгенического и дисгенного (нежелательного с точки зрения появления здорового потомства) размножения. Например, многочисленное население метисов Латинской Америки появилось благодаря социальной политике. Однако это не означает, что у таких народов нет своей самобытной идентичности и собственных интересов, которые могли бы привести их к сопротивлению дальнейшей социальной инженерии. То, что они были социально построены в прошлом, не означает, что они должны приветствовать проекты элит, которые хотят их трансформировать или заменить.

Что касается идеи социального строительства культуры: я думаю, что нет ничего, что общество не могло бы построить, если оно могло даже построить само себя.

Конечно, виды (расы) животных появились и существовали раньше, чем были культуры. Культуры, следовательно, являются «конструкциями» различных рас. Как только появились культуры, они повлияли на последующую эволюцию рас. Но расы появились раньше.

Удивительное разнообразие культур в рамках одной расы показывает, однако, что раса не определяет все аспекты культуры. Биология обеспечивает внешние границы для диапазона культурных вариаций. Но в рамках этих границ большая часть культуры проистекает из свободной игры человеческого воображения.

Когда люди говорят о культуре как о социальной конструкции, они имеют в виду, что культуры являются случайными, условными, зависящими от других обстоятельств – они необязательно должны были возникнуть, и они могли быть другими – и что они сохраняются, потому что их разделяют многие люди.

Говорить о культуре как о «конструкции» или «условности», однако, очень обманчиво, ибо это сознательные человеческие творения. Люди, конечно, создают условности и другие социальные конструкции, например, красный свет светофора означает остановиться, а зеленый свет – идти. Но создание таких условностей уже предполагает предысторию других значимых культурных практик. Но если такая практика предполагается условностями, то они сами не могут быть условностями.

В конечном итоге язык и культура относятся к третьей категории: не природа, не условность или конструкция, а скорее эволюционировавшие социальные практики – продукты человеческого действия, но не человеческого замысла и строительства. И если в своей основе культура не является продуктом человеческого замысла или строительства, то она не может подвергаться полной переделке и реконструкции. Изменить свою культуру не так просто, как изменить свое мнение.

Культура также формируется политической властью. Критики этнонационализма любят указывать на то, что многие современные нации, такие как Франция, были построены тиранами. Но это никоим образом не означает, что французы сегодня не должны противостоять амбициям тиранов, которые хотят заменить их чернокожими и мусульманами. Ни одна из наших наций не должна быть заменена. Ни у одной из наций нет гарантии того, что она будет существовать вечно. Но это просто тем более повод бороться против тех, кто хотел бы заменить нас.

Примечание

[1] Greg Johnson, "Why Race Is Not a Social Construct", in *In Defense of Prejudice* (San Francisco: Counter-Currents, 2017) and *It's Okay to Be White: The Best of Greg Johnson* (Hollywood: Ministry of Truth, 2020).

* * *

Часть 3. Любовь к своим

«Вот кто мы такие» – последний аргумент политики идентичности. «Кто мы такие» – соединение родства и культуры. Но идентичность политически бессильна, если народ не хочет самоутвердиться, не хочет занять свою сторону в борьбе. Таким образом, третьим столпом политики белой идентичности должен быть боевой дух.

В своей «Республике» («Государство») Платон делит человеческую душу на три части: разум, который ищет истину; желание, которое ищет удовлетворения жизненных потребностей; и то, что можно назвать боевым духом или командным духом («thumos»), который беспокоится о любви к своим и к своему, и о готовности бороться за это.

Платон и Аристотель определили thumos («тимос», «яростный дух») как специфическую политическую часть души, потому что thumos делит мир на нас и их, на группы своих и группы чужих. В XX веке великий немецкий политический философ [Карл Шмитт](#) утверждал, что само понятие политического [1] проистекает из разделения между нами и ними, между другом и врагом.

Желание и разум, напротив, безоговорочно являются антиполитическими, потому что они объединяют нас, а не разделяют. Несмотря на различия в языке, истории и культуре, мы все в основном стремимся к одним и тем же основным потребностям. Кроме того, разум ищет истину, которая объективна и универсальна, что означает истинность для всех нас.

Когда говорят о своей чести, семье или о родине, то тут действует иное чувство владения, чем когда говорят о своей собственности. Вы владеете своей собственностью, но ваша собственность не владеет вами. Отношение собственника к собственности является односторонним, а не обоюдным или взаимным. Но наша честь, семья или родина – это не внешние вещи, это не те предметы, которые мы можем как бы невзначай поднять или бросить. Они – часть нас. Они определяют нас. Они не отчуждаемы. Мы принадлежим им в той же мере, в какой они принадлежат нам.

Теория генетического сходства объясняет биологические корни любви к своим. Наши эгоистичные гены стремятся увековечить себя в будущем. Но это

не приводит к чисто эгоистичному индивидуализму, потому что наши гены присутствуют в других, поэтому нашим генам выгодно ценить других, сочувствовать другим, а в некоторых случаях жертвовать собой ради других. Но наши гены не в равной степени распределены среди всех остальных людей. Мы делимся генами с нашими родственниками больше, чем с чужими, с нашими соотечественниками больше, чем с иностранцами, и с членами нашей расы больше, чем с членами других рас. Поэтому для нас естественно отдавать предпочтение тем, кто генетически «свой», а не тем, кто генетически от нас отличается.

Отдавать предпочтение людям, которые культурно «свои», в сравнении с иностранцами тоже вполне понятно. Жизнь коротка, а социальные взаимодействия полны рисков и неопределенности. Легче понять, доверять, сотрудничать или просто расслабиться среди людей, которые разделяют ваш язык, обычаи и ценности. Таким образом, при прочих равных условиях имеет смысл отдавать предпочтение людям, разделяющим ту же культуру, что и вы сами.

В своей речи «Политика белой идентичности: неизбежная, необходимая, нравственная» я утверждал, что в любви к своим и к своему нет ничего аморального. Здесь я хочу ответить на некоторые возражения против любви к своим, основанные на идеях объективной истины и объективных достоинств.

Любовь к своим означает ценить что-то, основываясь просто на его отношениях с вами. Любовь к своим неизбежно «связана» с тем, кто вы есть. Но разве мы не должны предпочитать то, что объективно верно и хорошо тому, что является просто нашим, «своим»? Ответ зависит от контекста.

Любовь к своему и к своим – конкретно в форме национализма или других форм приверженности – не имеет отношения к определению истинности объективных исторических фактов или научных теорий. Если говорить о Платоне, то объективные истины – это область разума, а не «тимоса». Когда «thumos» империалистически вторгается в сферу разума, объективность оказывается под угрозой.

Мы неизбежно вкладываем свое эго в наши идеи, но разница между упрямым провидцем и тщеславным дураком в конечном итоге определяется объективными фактами.

Также неизбежно и то, что национальное чувство влияет на подход к науке и истории. Но националисты становятся смешными, когда распространяют исторические фальшивки: греки украли свою цивилизацию из Африки, ирландский язык – это оригинальный язык Эдемского сада, бразилец придумал самолет, и кучу мифов об изобретениях черных. Мы также должны отвергнуть крайние формы релятивизма, такие как понятия «фаустовская математика» или «буржуазная физика».

Но и разум может быть империалистическим. Сама идея космополитизма – рационалистическая конструкция. Древнегреческие натурфилософы считали, что природа однородна в пространстве и времени, но культура – нет. Поскольку греки почитали постоянство и пренебрежительно относились к изменениям, натурфилософы стремились быть гражданами неизменной природы, а не изменчивыми городами людей. Так Диоген Синопский, первый киник, заявлял, что космос был его полисом, что он был гражданином мира (*kosmopolitēs*). Как я утверждаю в моей работе «Что не так с космополитизмом?», настоящих граждан мира не существует, но космополитическая идея по-прежнему используется как кислота для ослабления «тимотических» связей, которые поддерживают существование реальных сообществ. [2]

Нет никакого неизбежного противоречия между сохранением объективности истины и естественными предпочтениями для своих, включая границы и иммиграционные ограничения. Прежде всего, если мы ограничим иммиграцию только людьми, обладающими специальными знаниями и навыками, это сведет ее практически к нулю. Поскольку истины объективны, а идеи идеальны, они могут пересекать границы сами по себе. Им не нужны иммигранты, чтобы нести их.

Даже передача навыков от мастера к ученику – это аргумент не в пользу иммиграции, а просто в пользу путешествий. Можно учиться за границей у мастера, а мастера могут проводить время за границей, передавая там свои навыки.

Одним из наиболее распространенных аргументов, которые избалованные, развращенные и глупые жители Запада выдвигают в защиту разнообразия и иммиграции, является их стремление к разнообразию этнических ресторанов. Конечно, на рестораны приходится лишь небольшая доля иммиграции. Но мы можем импортировать рецепты, навыки и ингредиенты без импорта людей.

Как насчет объективных заслуг? Сильное националистическое предпочтение собственного народа, естественно, привело бы к незначительной иммиграции или к ее отсутствию. Но разве страна не должна хотеть лучших врачей, ученых, инженеров и бизнесменов, откуда бы они ни взялись? Тогда почему бы не открыть свои границы для самых лучших?

Во-первых, этот аргумент не относится к массовой иммиграции. Если мы на самом деле говорим о лучших людях в любой области, это значит, что мы говорим о очень небольшом количестве людей, а не о миллионах. Иммиграция, строго ограниченная на основе заслуг, ликвидировала бы почти всю сегодняшнюю иммиграцию, основная часть которой состоит из малоквалифицированных лодырей, получателей социальной помощи и беженцев.

Кроме того, предоставление доступа даже лучшим людям все еще не является аргументом в пользу иммиграции. Это всего лишь аргумент в пользу путешествий. Независимо от того, где он живет, наилучший нейрохирург в мире может жить только в одной стране, может быть, в двух, что означает, что остальной мир должен в любом случае приезжать к нему. Так почему же он не должен жить на родной земле? И если он едет к своим пациентам, то это просто командировка, а не иммиграция.

Кроме того, если на самом деле говорить не о лучших людях в какой-либо профессии, а о людях, которые просто достаточно хороши для этого, то наверняка в каждой стране Первого мира уже достаточно людей, которые достаточно хороши, чтобы быть врачами, юристами, учеными, инженерами и бизнесменами. Мы знаем это, потому что многие из этих стран стали «Первым миром» без помощи иммиграции, квалифицированной или неквалифицированной. Действительно многие из них пережили массовую эмиграцию в одно время с тем, как они становились современными ведущими державами.

Кроме того, действительно ли страны Первого мира должны импортировать высококвалифицированных специалистов из бедных стран со всего света? Как мы тогда можем ожидать, что эти страны самостоятельно улучшат свое положение? Разве нет ничего абсурдного в том, что страны Первого мира импортируют врачей из стран Третьего мира, тогда как сами направляют врачей в страны Третьего мира?

Но каким-то образом многие белые люди убеждены, что иммиграция дает нам доступ к лучшему из всего. Я не хочу развеивать чьи-то иллюзии, но сколько из вас когда-либо пользовались услугами лучших в мире? У многих ли из вас есть хоть какой-то шанс вообще получить такие услуги? Действительно ли средний уровень медицинской помощи в белых странах повышается за счет врачей из стран Ближнего Востока или Южной Азии? Так действительно ли призрак меритократии стоит того, чтобы с уверенностью потерять свою родину, чтобы открыть границы? Особенно если учесть, что те единственные люди на вашей родине, которые достаточно богаты, чтобы получить доступ к лучшему из всего, также достаточно богаты, чтобы отправиться в путешествие туда, где они могут этот доступ получить.

Истинная причина, по которой наши олигархи пропагандируют «высококвалифицированную» иммиграцию и способствуют ей, заключается не в необходимости высоких навыков, а в желании платить низкую заработную плату. Но если Google или Facebook действительно не могут найти достаточно много квалифицированных американцев, то они могут отправить свой капитал в Индию, а не завлекать индийцев в Америку.

А как же лучшие продукты? Если лучшие автомобили и фотокамеры сделаны в чужих странах, почему бы нам не импортировать их? Конечно, это аргумент

в пользу торговли, а не иммиграции. Можно позволить свободно перемещаться товарам, но не людям.

Если лучшие автомобили и фотокамеры сделаны за рубежом, можно откровенно это признать. Факты есть факты. Но у нас все еще могут быть веские националистические аргументы против их покупки – или против облегчения их покупки. Например, каждая страна должна стремиться производить значительное количество своего собственного продовольствия и медикаментов на случай глобального голода и пандемий. Если это так, то разумно защитить ключевые отечественные отрасли от конкуренции со стороны иностранного импорта.

Более того, правительства собирают деньги за счет налогов, и все налоги имеют экономические и социальные последствия, некоторые хорошие, некоторые плохие. Налоги на импортные товары имеют положительные последствия: они укрепляют нацию, защищая местные производства.

Наконец, если мы действительно говорим о лучших автомобилях или фотокамерах, то небольшое количество людей, которые могут позволить себе самое лучшее, также может позволить себе заплатить ввозные пошлины. Опять же, когда люди приводят аргументы в пользу свободной торговли, их действительно интересует не лучшее – что могут себе позволить только богатые – а дешевое, которое может себе позволить любой. Часто эти товары столь соблазнительно дешевы, потому что их производят люди, страдающие от голода, без соблюдения мер безопасности работников и экологических гарантий, которые являются стандартными в достойных обществах.

Поставить дешевые иностранные товары выше блага своей родины – это еще одна форма империализма, форма желания, направленная на то, чтобы разрушить тимотические чувства, которые поддерживают существование общества. Но дешевые товары очень дороги, если подсчитать полную стоимость их импорта. Вы можете получить радость от покупки дешевой иностранной обуви. Но когда местные производители обуви уйдут из этого бизнеса, то их работники также не смогут купить те товары, которые производите вы. И поскольку власть следует за деньгами, когда богатые становятся богаче, а средний класс беднеет, то общество становится менее демократичным и более элитарным, что приводит к несправедливости и нестабильности.

Как потребители, мы преследуем наши частные интересы. Как граждане, мы должны заботиться об общем благе. Предоставленные самим себе, массы будут продавать свои права первородства за безделушки. Поэтому нам нужны законы, чтобы гарантировать приоритет всеобщего блага.

Идея объективных заслуг – объективной истины, объективной добродетели – очень привлекательна. Она имеет смысл как рациональные агенты, стремящиеся к истине, и как рациональные потребители, удовлетворяющие наши потребности. Но она глубоко разрушительна для общества, когда она незаметно проникает в сферу «тимоса».

Нам вообще не нужны объективные причины, чтобы любить своих. Наши дети не должны быть лучшими, чтобы любить их. Наши родные земли не должны быть лучшими, чтобы любить их. Наша раса не обязательно должна быть лучшей для нас, чтобы любить ее.

Быть наверху одиноко. С точки зрения любого конкретного превосходства, только один ребенок может быть самым лучшим. Значит ли это, что другие дети не заслуживают любви? По любому показателю совершенства только одна страна действительно может быть самой лучшей. Значит ли это, что ни одна другая родина не достойна любви? В любой данной категории лучшей является только одна раса. Означает ли это, что представители всех других рас должны презирать себя? Абсолютно нет.

Национальный шовинизм и идеология расового превосходства – глупые карикатуры на любовь. Мы любим наши родные земли не потому, что они лучшие. Мы любим их просто потому, что они наши. Мы любим нашу расу не потому, что она лучшая, но потому что она наша. И в отличие от шовинистов и сторонников расового превосходства, мы можем любить своих, не очерняя других и не завидуя тем, кто делает то же самое. Мы действительно можем понять, почему они тоже любят своих, и ни одна из сторон не должна чувствовать угрозу со стороны другой.

Нужно ли делать что-либо – помимо того, чтобы быть частью чьей-то семьи, нации или расы – чтобы получать любовь к своим? Поскольку принадлежность, о которой мы говорим, является обоюдной и взаимной – если наша семья, родина и раса принадлежат нам, то и мы принадлежим им, – тогда любовь, которую мы получаем, также должна быть взаимной. Но когда мы рождаемся, мы не можем на самом деле оплатить ту заботу, которую получаем. Мы можем платить только вперед, следующему поколению. Наша любовь к своим – это неотъемлемое право от рождения, на которое мы претендуем по отношению к другим, и унаследованное обязательство, исполнения которого последующее поколение потребует от нас.

Современному либералу ничего из этого не видно. Современный человек видит себя рациональным производителем-потребителем. С этой точки зрения, наций не существует. Разум и желание охватывают весь космос. У них нет родины. Модернизм утверждает, что все люди равны, что означает, что естественные предпочтения и человеческие границы незаконны.

На практике это означает, что все люди взаимозаменяемы, а значит, вас можно заменить иностранцами. Великая Замена – это просто политическое выражение разрушающей мир слепоты, то, что Хайдеггер назвал сутью технологии: решение увидеть мир – и нас самих – как просто склад взаимозаменяемых частей.

Глобалисты не опровергли национализм. Они просто слепы по отношению к нам и нашим заботам. Сталкиваясь с различиями между людьми, они с легкостью заявляют, что эти различия не имеют никакого значения. Идентаристы осмеливаются с этим не согласиться. На самом деле, мы настаиваем на этом. На самом деле, мы будем бороться за сохранение наших различий.

Ответ на Великую Замену – это просто сказать: «Нет». Мы не будем прыгать в плавильный котел. Мы отвергаем глобалистскую мечту.

Давайте назовем это Великим Отказом. Альфред Норт Уайтхед позаимствовал эту фразу у Данте и придал ей новый смысл: отказ воображения быть ограниченным фактами. Сила сознания сводит на нет данное. Герберт Маркузе перенял это выражение для обозначения неприятия дегуманизирующего потребительского общества в пользу освобождающей силы искусства.

Для идентаристов Великий Отказ – это тимотическое подтверждение разницы перед лицом Великой Замены. Мы не равны, не идентичны, не взаимозаменяемы. Вот кто мы есть, и такими мы и останемся. Вы нас не замените.

Примечания

[1] See Greg Johnson, "Reflections on Carl Schmitt's *The Concept of the Political*", *New Right vs. Old Right* (San Francisco: Counter-Currents, 2013).

[2] Greg Johnson, "What's Wrong with Cosmopolitanism?", *In Defense of Prejudice* (San Francisco: Counter-Currents, 2017).

[Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.](#)